

ПАПА ЛЕВЪ XIII.

(Очеркъ его жизни и дѣятельности).

III.

Беневентъ и общее состояніе Италіи. Болѣзнь новаго делегата; его заботы о представительствѣ и о чести рода. Дѣятельность Печчи какъ правителя области. Переводъ въ Перуджію. Встрѣча здѣсь папы. Дѣятельность Печчи какъ делегата Перуджіи. Назначеніе нунціемъ въ Бельгію и рукоположеніе въ епископскій санъ. Прїѣздъ въ Брюссель. Впечатлѣнія. Состояніе страны. Полномочія новаго нунція. Отношенія къ королевской семьѣ. Участіе Печчи въ религіозно-политическихъ событіяхъ Бельгіи: школьный вопросъ, учрежденіе коллегіи въ Римѣ, дисциплина монастырей. Назначеніе епископомъ въ Перуджію. Значеніе для Печчи пребыванія въ Бельгіи.

Назначеніе молодаго Печчи въ Беневентъ на должность делегата свидѣтельствовало объ особенномъ довѣрїи высокихъ покровителей и церковной власти къ его способностямъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ для перваго-же опыта самостоятельной дѣятельности ему давалась нелегкая задача, требовавшая такого административнаго искусства, какое рѣдко можно предполагать у новичка.

Принадлежавшая къ папскому государству Беневентская область представляла собою совершенно оторванный отъ него маленькій клочекъ земли, всего лишь въ двѣ квадратныхъ мили, расположенный, какъ островъ, среди сосѣдняго неаполитанскаго королевства и отстоявшій почти на полтора верста отъ границы остальныхъ владѣній римскаго престола. Благодаря такому исключительному положенію, во внутренней жизни области создались нѣкоторыя особенности.

доставлявшія не мало заботъ и огорченій правительствамъ какъ Рима, такъ и Неаполя. Ближайшая правительственная власть короля неаполитанскаго на Беневентъ не простиралась, папская-же была далеко, а потому этотъ уголокъ и сталъ излюбленнымъ пріютомъ такихъ общественныхъ элементовъ, которые стремились къ возможно-большей свободѣ отъ какой-бы то ни было власти вообще. Сюда укрывались изъ неаполитанскаго королевства всякаго рода уголовные преступники, чтобы избѣжать угрожавшихъ имъ суровыхъ наказаній. Здѣсь, при слабости мѣстнаго правительства, они находили полную возможность свободно продолжать свою преступную дѣятельность, составляли изъ себя цѣлыя шайки и съ оружіемъ въ рукахъ грабили мирныхъ жителей, или по дорогамъ нападали на проѣзжающихъ. Покровителями этихъ шаекъ были даже нѣкоторые изъ мѣстныхъ аристократовъ, укрѣпленные замки которыхъ были такимъ образомъ явными гнѣздами разбойниковъ. Благодаря тому-же исключительному положенію внутри неаполитанскаго королевства, Беневентъ представлялъ рѣдкія удобства для любителей контрабанды, которая и достигла здѣсь широкаго процвѣтанія, сдѣлавъ эту маленькую область, по всей ея круговой границѣ, постоянною ареною смѣлыхъ подвиговъ контрабандистовъ и складочнымъ мѣстомъ ихъ богатой добычи. Обиліе вредныхъ элементовъ въ населеніи, при отдаленности центральной власти и слабости ея мѣстныхъ органовъ, создавало такую неурядицу, которая и среди мирныхъ обитателей области вызывала нерѣдко сильное недовольство существующимъ общественнымъ строемъ. Это народное настроеніе представляло собою превосходную почву для дѣятельности политическихъ агитаторовъ, а ихъ въ то время было великое множество, такъ какъ Италія переживала тогда тревожную пору. Вслѣдствіе неблагоприятно сложившихся историческихъ условій она сильно отстала въ политическомъ отношеніи отъ другихъ странъ западной Европы. Когда повсюду давно уже сплотились и процвѣтали крѣпкія національныя государства, итальянскому народу и Вѣнскимъ конгрессомъ 1815-го года по прежнему предоставлено было жить въ политическомъ раздробленіи, такъ что Италія въ началѣ XIX-го столѣтія, какъ и два-три вѣка тому назадъ, представляла собою не объединенное политическое цѣлое, а рядъ

отдѣльныхъ независимыхъ владѣній, каковыми были: королевство Неаполя или обѣихъ Сицилій, королевство Сардинское или Пьемонтское, Церковная область, герцогство Пармское, герцогство Моденское, Великое герцогство Тосканское и такъ называемое Ломбардо-Венеціанское королевство, предоставленное чужеземному господству Австріи. Деспотическое и дурное управленіе бѣльшей части этихъ королей и герцоговъ сопровождалось еще ихъ непрестанными усобицами, слѣдствіемъ которыхъ было утвердившееся, даже сдѣлавшееся необходимымъ, постоянное и дипломатическое и вооруженное вмѣшательство во внутреннія дѣла Италіи иностранныхъ правительствъ Австріи и Франціи, при чемъ въ нѣсколькихъ итальянскихъ городахъ стояли ихъ постоянные гарнизоны. Угнетаемая и безсильная въ своей раздробленности Италія только въ объединеніи видѣла свое спасеніе и съ нетерпѣніемъ ждала того вождя, который взялъ-бы на себя вести ее по этому пути. Передовые люди Италіи, ея ученые философы, историки и публицисты выступили проповѣдниками и истолкователями національной идеи. Труды Маміани, Пеллико, Бальбо, Джіоберти, Дурандо, д'Азеліо находили себѣ живой отголосокъ въ сердцахъ множества свободно-мыслящихъ итальянцевъ, увлекаая прежде всего юное поколѣніе и молодежь университетовъ. Вся Италія покрылась сѣтью тайныхъ обществъ, члены которыхъ стали называться „карбонаріями“, такъ какъ, спасаясь отъ преслѣдованій неаполитанскаго правительства, искали себѣ убѣжища въ Калабрійскихъ лѣсахъ и въ гористыхъ мѣстностяхъ Аbruццовъ, гдѣ, наравнѣ съ мѣстными поселянами, единственнымъ средствомъ существованія было для нихъ изготовленіе угля. Чтобы составить себѣ понятіе о настроеніи и задачахъ этихъ тайныхъ обществъ, достаточно привести два первыхъ параграфа устава того общества, которое подъ девизомъ „Молодая Италія“ учреждено было Мадзини. Здѣсь мы читаемъ: „1) Общество основывается съ цѣлю, сдѣлавшейся необходимою, уничтоженія всѣхъ правительствъ полуострова и основанія единаго итальянскаго государства съ республиканскимъ управленіемъ. 2) Прійдя къ убѣжденію, что абсолютная власть является причиной ужасныхъ несчастій и что конституціонная монархія ни въ чемъ не уступаетъ въ этомъ отношеніи абсолютизму, мы всѣ должны стремиться осно-

вать единую и нераздѣльную республику“¹⁾. Для достиженія своей цѣли тайныя общества рѣшили прибѣгнуть къ силѣ и организовали цѣлый рядъ вооруженныхъ возстаній, которыя въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ дѣйствительно и разразились во всѣхъ концахъ Италіи. Существующія итальянскія правительства, отстаивая свою неприкосновенность, жестоко преслѣдовали и казнили заговорщиковъ, вынуждая ихъ тѣмъ всячески скрывать свою агитацію и искать для нея возможно болѣе безопасныхъ убѣжищъ. Однимъ изъ такихъ убѣжищъ для нихъ служила и Беневентская область, заброшенная внутрь того неаполитанскаго королевства, гдѣ правительственный деспотизмъ вызывалъ наиболѣе сильное народное недовольство и волненіе.—Пресѣчь преступную дѣятельность злонамѣренныхъ и враждебныхъ правительству людей и привести общественную жизнь провинціи въ возможно-болѣе порядокъ—такова была задача, выпадавшая на долю новоназначеннаго делегата.

Первый-же шагъ къ самостоятельной дѣятельности сопровождался для Печчи бѣдою; его постигла тяжкая болѣзнь, которая едва не стоила ему жизни. Къ мѣсту назначенія онъ отправился въ первыхъ числахъ марта, т. е. въ такое время, когда, по климатическимъ условіямъ Италіи, стоитъ обыкновенно самая дурная, совсѣмъ не благоприятная для путешествій, погода. Путь его къ Беневенту лежалъ чрезъ Террачину и Капую по труднымъ, почти непроходимымъ, дорогамъ, при чемъ значительная часть этого пути проходила въ переполненной вредными міазмами атмосферѣ понтійскихъ болотъ и окружающихъ Капую лимановъ. Весьма вѣроятно, что слабый здоровьемъ и утомленный трудностями пути Печчи легко подпалъ влиянію носившейся въ воздухѣ заразы и именно здѣсь схватилъ жестокую, злокачественную лихорадку. Девятаго марта онъ прибылъ въ Беневентъ, весьма сочувственно и торжественно принятый населеніемъ и сопровождаемый болѣе чѣмъ пятьюдесятью экипажами, въ которыхъ мѣстная администрація и звать выѣхали къ нему на встрѣчу; но на третій день по пріѣздѣ онъ уже слегъ въ постель, при чемъ положеніе больнаго тотчасъ-же при-

1) Эли Соренъ. Исторія Италіи отъ 1815 года до смерти Виктора Эммануила. Пер. съ франц. Чепинской. Спб. 1898.—Стр. 119.

знано было весьма тяжелымъ и даже почти безнадежнымъ. Всѣ усилія мѣстныхъ врачей не приводили ни къ чему и страшный жаръ, не поддававшийся никакимъ средствамъ леченія, доводилъ больного до послѣдней степени истощенія. Тогда приглашенъ былъ изъ Неаполя придворный врачъ короля, докторъ Вульписъ, считавшійся тогда первую значимостію во всемъ государствѣ, и онъ примѣнилъ къ Печчи совершенно новый для того времени и казавшійся слишкомъ смѣлымъ приемъ, посадивъ больного въ холодную ванну. Одновременно съ усиліями врачей, расположенные къ делегату благочестивые люди старались помочь ему средствами религіозными. Хотя онъ ничѣмъ еще не успѣлъ зарекомендовать себя на новомъ мѣстѣ служенія, населеніе Беневента почему-то отвеслось къ нему съ замѣчательнымъ сочувствіемъ. Можетъ быть причиною того были добрыя вѣсти о молодомъ прелатѣ, дошедшія въ Беневентъ изъ Рима, а можетъ быть и то благоприятное впечатлѣніе, которое удалось самому ему при вѣздѣ въ городъ произвести на населеніе. Какъ бы то ни было, но большая толпа мѣстныхъ жителей устроила грандіозную процессію въ загородный храмъ Пресв. Богородицы „Милостивой“ съ молитвою объ исцѣленіи болящаго, а ректоръ мѣстной іезуитской коллегіи, о. Тессандори, возложилъ на грудь его часть мощей особенно-чтимаго въ Неаполѣ св. Франциска. Въ первыхъ числахъ апрѣля болѣзнь стала по немногу ослабѣвать, угрожавшая опасность миновала, а 11-го числа въ Карпинето уже служили благодарственную миссу по поводу исцѣленія Іоакима, который, по словамъ дяди Антоніо, „поистинѣ воскресъ изъ мертвыхъ“. Радость всей семьи въ этомъ случаѣ, конечно, понятна: но и высшая церковная власть Рима не была равнодушна къ положенію молодаго делегата, очевидно, высоко цѣня его и возлагая на него свои надежды. Самъ папа Григорій XVI выразилъ желаніе ежедневно получать извѣстія о ходѣ болѣзни Печчи, что при тогданемъ состояніи путей сообщенія и почтовыхъ сношеній было знакомъ совершенно необычнаго высокаго вниманія. Восемнадцатаго апрѣля медленно поправлявшійся больной уже диктовалъ своему секретарю и другу, о. Салина, свое первое письмо къ дядѣ. „Опасность“, говорилъ онъ, „была весьма серьезная, почти отчаянная, какъ говорили врачи.

Я коснулся края могилы и стучался во врата вѣчности. Господь Богъ, по Своему безконечному милосердію, не дозволилъ имъ открыться. Благодареніе Ему, а также и Пресвятой Дѣвѣ, которые спасли меня почти что чудомъ. Это письмо сопровождалось маленькими подарками: варенья для родныхъ и табаку для мона. Синибальди; а затѣмъ усерднѣйшею и настоятельною просьбой о высылкѣ денегъ, такъ какъ тяжелая болѣзнь если не убила тѣло Печчи, то совсѣмъ доканала его финансы. Правда, цѣна докторскихъ визитовъ въ то время была много снисходительнѣе нынѣшней. Знаменитый неаполитанскій лейбъ-медикъ, д. Вульписъ, напр. дважды прѣѣзжалъ изъ Неаполя въ Беневентъ; при чемъ, благодаря тогдашнимъ путямъ сообщенія, каждая поѣздка, сопряженная, конечно, съ утомленіемъ и разнаго рода дорожными лишеніями, отнимала у него не менѣе пяти дней. и за весь свой трудъ онъ взялъ только 150 эку, т. е. 300 рублей на наши деньги. Цѣна совершенно ничтожная сравнительно съ тѣмъ, что взяла бы за десять дней какая нибудь современная медицинская знаменитость; но для Печчи и такая трата была весьма чувствительна, тѣмъ болѣе, что еще столько-же пришлось уплатить мѣстнымъ врачамъ, которые трудились надъ больнымъ болѣе мѣсяца, и присоединить къ этому весьма не малые расходы по аптекѣ. Тяжелая болѣзнь была, конечно, случаемъ исключительнымъ: но и вообще въ первые годы общественной дѣятельности Печчи нерѣдко приходилось обращаться къ старшимъ братьямъ съ просьбами о денежной помощи. На первыхъ порахъ своей прелатуры въ Римѣ онъ просилъ лишь маленькими суммами, напр. въ четыре или пять эку; но сдѣлавшись делегатомъ считалъ себя вынужденнымъ требовать довольно крупныхъ пособій, которыя, при скудости средствъ семьи, приводили ее въ нѣкоторое затрудненіе. Причиною этихъ нерѣдкихъ и иногда довольно обременительныхъ для семьи денежныхъ просьбъ Іоакима была отнюдь не его личная расточительность, такъ какъ, напротивъ, въ своихъ привычкахъ и потребностяхъ онъ всегда отличался большою скромностію. Не жалѣлъ онъ издержекъ лишь тогда, когда дѣло шло объ интересахъ фамиліи и о поддержаніи ея чести и достоинства, вполне увѣренный въ томъ, что подобнаго рода расходы съ избыткомъ оправдаются въ послѣдствіи. Вотъ ко-

чему именно теперь, когда Печчи сдѣланъ былъ делегатомъ, его денежныя просьбы у братьевъ стали особенно крупными и настойчивыми. По утвердившемуся обычаю, делегатъ, какъ высшій представитель правительства въ провинціи, долженъ былъ имѣть соотвѣтствующую своему положенію обстановку: достаточный штатъ прислуги, хорошую сервировку, своихъ лошадей и экипажи, а также парадную упряжь и ливреи для торжественныхъ выѣздовъ. Пять человѣкъ прислуги, уроженцевъ Карпинето, Печчи привезъ съ собою, но больше у него почти ничего не было и все приходилось заводить вновь, а между тѣмъ и денегъ тоже не было. Предшественникъ Печчи по должности, уѣзжая изъ Беневента 8-го марта, предусмотрительно захватилъ свое жалованье за весь мѣсяцъ, предоставивъ своему преемнику дожидаться слѣдующаго мѣсячнаго срока, да и жалованье это состояло всего изъ 97 дукатовъ, т. е. около 300 рублей, въ мѣсяцъ,—сумма, на которую парадной обстановки не заведешь и большой штатъ прислуги и лошадей не прокормишь. А тутъ еще случилась болѣзнь, которая поглотила всѣ скудные денежные запасы, привезенные съ собою Печчи, и такимъ образомъ подорвала всѣ его расчеты. Единственнымъ источникомъ, откуда новый делегатъ могъ добыть необходимыя ему деньги, была родная семья, а потому онъ убѣдительно просить старшихъ братьевъ помочь ему въ покупкѣ лошадей, ливрей и упряжи и съ величайшимъ нетерпѣніемъ ожидаетъ ихъ присылки. Не принято, пишетъ онъ, чтобы делегатъ когда-нибудь появлялся пѣшкомъ, а вслѣдствіе этого онъ, не имѣя лошадей, вынужденъ проводить всѣ дни безвыходно дома къ большому вреду для своего здоровья. Жители Беневента особенно щеголяютъ лошадьми; это ихъ слабость и нужно, чтобы лошади делегата не посрамили своего хозяина. Тѣмъ сильнѣе беспокоился и огорчился Печчи, что наступало 14-е число іюня, когда должна была совершаться торжественная процессія Тѣла Господня и когда парадный выѣздъ до такой степени представлялся необходимымъ, что, не имѣя его, делегату пришлось-бы даже совсѣмъ уклониться отъ участія въ торжествѣ. Всѣ подобного рода настоянія оканчивались, конечно, тѣмъ, что братья, ревнуя о чести фамиліи, напрягали всѣ свои силы и спѣшили выслать Іоакиму и денегъ и лошадей.—По тѣмъ-же

соображеніямъ Іоакимъ убѣждалъ своихъ братьевъ, чтобы они и въ Карпинето не жалѣли расходовъ въ тѣхъ случаяхъ, когда это требуется для поддержанія достоинства фамиліи. Весною 1838 г. напр. задумалъ проѣздомъ посѣтить Карпинето мѣстный верховный феодалъ, молодой князь Альдобрандини Боргезе. Дядя и старшій братъ Іоакима желали найти какой-либо благовидный предлогъ, чтобы уклониться отъ этой чести, зная, что она причинитъ великое множество хлопотъ и въ особенности будетъ стоить большихъ денегъ; но делегатъ рѣшительно возсталъ противъ ихъ намѣренія. Первое письмо, которое имѣлъ возможность собственноручно написать Іоакимъ послѣ своей тяжелой болѣзни, почти цѣликомъ посвящено было именно этому вопросу, очевидно весьма сильно занимавшему больнаго. Онъ писалъ брату, что уклоняться отъ приѣма высокаго гостя по экономическимъ соображеніямъ значило-бы идти наперекоръ взглядамъ покойнаго отца и всѣхъ своихъ предковъ, возбудить толки по всей провинціи, уронить достоинство фамиліи и въ частности повредить лично ему, занимающему такой постъ, который налагаетъ на него обязанность представительства. Онъ усиленно настаивалъ, чтобы семья Печчи, при нѣкоторомъ содѣйствіи карпинетской общины, непременно устроила князю Боргезе возможно лучший приѣмъ съ потѣшными огнями, триумфальными арками, оркестромъ музыкантовъ на специально для того устроенной эстрадѣ и т. п. „Будьте увѣрены“, писалъ онъ, „что высшее правительство съ одобреніемъ отнесется ко всѣмъ этимъ расходамъ“. Братья уступили настояніямъ Іоакима и князь Боргезе былъ встрѣченъ въ Карпинето такъ, что вполне остался доволенъ приѣмомъ.—То-же семейное чувство внушало, наконецъ, Іоакиму и еще одну заботу, которую онъ весьма близко принималъ къ своему сердцу. Это была забота о продолженіи рода. Возлагая на себя самую задачу возвысить и прославить имя Печчи, Іоакимъ откровенно выражалъ увѣренность, что въ этомъ отношеніи онъ дѣлаетъ и уже сдѣлалъ очень многое, ибо въ молодыхъ лѣтахъ достигъ такого положенія, которое раньше не занималъ ни одинъ изъ членовъ его семьи ¹⁾. Однако его сильно безпокоила мысль, что весь трудъ его

¹⁾ Письмо къ брату Джіованни, 28 окт. 1838 г.—См. Des Houx, p. 104—105.

будеть напраснымъ, такъ какъ самое продолженіе рода Печчи остается не обезпеченнымъ. Изъ трехъ старшихъ братьевъ Іоакима послѣдній,—Іозефъ, былъ уже іезуитомъ, а двое первыхъ,—Карль и Джіованни, доселѣ оставались не женатыми. Карла, которому было уже сорокъ пять лѣтъ, считали въ этомъ отношеніи безнадежнымъ. Все зависѣло такимъ образомъ отъ одного Джіованни, но и онъ слишкомъ медлилъ и достигъ уже тридцатишестилѣтняго возраста. Фамилія Печчи такимъ образомъ, по словамъ Іоакима, „находилась въ агоніи“, „приближалась къ гибели, къ конечному уничтоженію самаго ея имени“. Это глубоко тревожило делегата и заставляло его усиленно настаивать, и словесно и письменно, на необходимости возможно-скорѣйшаго брака Джіованни. Писалъ онъ объ этомъ брату при своемъ отъѣздѣ въ Беневентъ, убѣждалъ его и оттуда въ цѣломъ рядѣ писемъ, принимался самъ сватать ему то ту, то другую невѣсту; но цѣлыхъ пять лѣтъ всѣ усилія его не приводили ни къ чему. Только въ началѣ 1843 года Джіованни наконецъ женился на предложенной ему Іоакимомъ племянницѣ кардинала Белли, а затѣмъ вскорѣ появились на свѣтъ наслѣдники и такимъ образомъ за существованіе рода своего, прославленіе котораго было одною изъ главныхъ цѣлей его дѣятельности, Печчи могъ теперь быть спокойнымъ.

Какъ правитель области, Іоакимъ, лишь только оправился отъ болѣзни, съ большимъ усердіемъ принялся за свое дѣло. Онъ старался вникнуть во всѣ стороны общественной жизни и вездѣ оказать помощь и руководство своимъ вмѣшательствомъ. Сферы его дѣятельности въ этомъ случаѣ были весьма разнообразны: то онъ распоряжался посадкой табачныхъ корней на мѣсто побитыхъ градомъ; то спѣшно перестраивалъ казармы, которыя грозили разрушеніемъ; то издавалъ правила, регулировавшія торговлю на рынкахъ; то наблюдалъ за пріѣзжими иностранцами, предписывая имъ обязательно запастись охранными документами и заставляя содержателей гостинницъ строго слѣдить за этимъ; то запрещалъ въ кофейныхъ игру въ карты и въ кости, какъ вредную для народной нравственности и нерѣдко сопровождаемую драками и кражами; то запрещалъ оставлять ночью на окнахъ вазы и горшки съ цвѣтами, такъ какъ въ случаѣ вѣтра они могли падать на прохожихъ; то заботился

объ истребленіи бродячихъ собакъ; то запрещалъ полоскать бѣлье въ общественныхъ бассейнахъ; то проводилъ новыя дороги для усиленія торговыхъ сношеній, какъ напр. къ Кампобассо и Авеллино; то хлопоталъ предъ высшимъ правительствомъ объ облегченіи населенію нѣкоторыхъ наиболее тяжелыхъ для него налоговъ. Но наибольшее вниманіе Печчи долженъ былъ приложить, конечно, къ уничтоженію тѣхъ главныхъ общественныхъ язвъ, которыя чрезмѣрно усилились въ Беневентской области благодаря особенностямъ ея географическаго положенія, а именно, контрабанды и разбойничества. Умнымъ, энергичнымъ и преданнымъ помощникомъ въ борьбѣ съ контрабандой онъ избралъ себѣ М. Стербини, которому поручилъ главное наблюденіе надъ таможенными и надъ всею линіей границы. При его содѣйствіи измѣненъ и усиленъ былъ составъ пограничной стражи и организованъ самый строгій и бдительный надзоръ. Въ-стѣ съ тѣмъ делегатъ занялся коренною реформой жандармеріи, во главѣ которой поставилъ дѣятельнаго и способнаго капитана де-Доминицисъ. Усиленная и приведенная въ должный порядокъ жандармерія направлена была прежде всего на борьбу съ разбойничествомъ. Блестящею побѣдой ея на этомъ поприщѣ было взятіе укрѣпленной виллы Маскамбруни, гдѣ засѣла шайка изъ четырнадцати разбойниковъ, давно уже безнаказанно совершавшая свои преступныя подвиги и наводившая ужасъ на мѣстное населеніе. Вся эта шайка вмѣстѣ съ ея знаменитымъ атаманомъ Колетта была захвачена, приведена въ Беневентъ и публично предана казни на городской площади при шумномъ ликованіи ватерпѣвшагося отъ нея народа. Энергичная дѣятельность делегата, направлявшаяся къ водворенію общественнаго порядка, вызывала, конечно, сильное недовольство тѣхъ, которымъ царившая доселѣ неурядица доставляла личныя выгоды. Многіе изъ мѣстныхъ аристократовъ тайно покровительствовали контрабандистамъ и разбойникамъ, за что и получали себѣ нѣкоторую долю ихъ преступныхъ барышей. Понятно, что, при такихъ условіяхъ, возбужденное делегатомъ усиленное преслѣдованіе контрабанды и разбоя причиняло имъ большой убытокъ, а потому они всѣми мѣрами старались помѣшать его дѣятельности. Нѣкоторые изъ нихъ прибѣгали напр. къ доносамъ, обвиняя Печчи въ томъ, что

онъ часто распоряжается самовластно, не испрашивая должнаго разрѣшенія у центральной власти. По поводу этихъ доносозъ и наговорозъ предъ власть имѣющими Печчи приходилось писать объясненія и были даже слухи о томъ, что ему грозитъ удаленіе отъ должности. Однако делегатъ этимъ не смущался и настойчиво продолжалъ дѣйствовать въ принятомъ направленіи. Тогда одинъ изъ мѣстныхъ магнатовъ, какой-то маркизъ, лично явился къ Печчи для объясненій. Онъ рѣзко выговаривалъ делегату за то, что полицейскіе агенты не оказываютъ никакого уваженія его высокому положенію, но настойчиво проникаютъ въ его замокъ, явно нарушая такимъ образомъ установленную обычаемъ привиллегію его неприкосновенности. Маркизъ угрожалъ делегату, что онъ самъ побѣдетъ въ Римъ и не вернется оттуда до тѣхъ поръ, пока не добьется его удаленія. „Могу васъ увѣрить“, смѣло отвѣчалъ ему Печчи, „что прежде Ватикана вамъ придется побывать въ замкѣ св. Ангела“, т. е. въ тюремномъ заключеніи, и, видя твердость делегата, маркизъ предпочелъ отказаться отъ осуществленія своей угрозы. Общій результатъ дѣятельности Печчи по водворенію порядка въ Беневентской области очень скоро обнаружилъ себя въ самомъ благопріятномъ смыслѣ. Еще въ сентябрѣ 1838-го года о. Салина свидѣтельствовалъ, что „управленіе провинціи преобразовано и улучшено: грабежи уменьшились, покушенія на убійства и акты насилія почти совсѣмъ прекратились. Все это достигнуто не безъ труда, бдительности и энергій“. „Монсеньеръ (т. е. делегатъ) управляетъ дѣлами провинціи съ величайшей аккуратностію; онъ привлекаетъ къ себѣ вообще расположеніе и всѣ стараются угодить ему“. „Дѣла провинціи въ порядкѣ“, писалъ самъ Печчи къ роднымъ въ октябрѣ того-же года, „и общественное мнѣніе большинства народа для меня благопріятно. Въ своихъ дѣйствіяхъ я руководжусь чувствомъ долга и постоянное мое правило: не связывать себя никакими личными обязательствами и держаться на сторожѣ противъ всякихъ уловокъ и замысловъ. Такая тактика не очень нравится дворянамъ и приверженцамъ противоположной системы; но она доставила мнѣ прозваніе „друга правды“ и удовлетвореніе какъ обществу, такъ и моей собственной совѣсти“ ¹⁾.

¹⁾ De T'Serclaes, I, 62—63.

Попытался было Печчи наложить свою руку и на политических агитаторовъ, но эта попытка окончилась ничѣмъ. При судебномъ слѣдствіи, производившемся по поводу одного убійства, между прочимъ, оказалось, что потерпѣвшій былъ главою какого-то тайнаго политическаго общества. Это обстоятельство указало нѣкоторые слѣды, по которымъ можно было-бы розыскать и захватить многихъ другихъ членовъ того-же общества, о чемъ делегатъ и спѣшилъ донести высшему правительству, испрашивая у него разрѣшенія приступить къ арестамъ. Статсъ-секретарь папы, кард. Ламбускини, не нашелъ однако возможнымъ дать свое согласіе и потребовалъ новаго слѣдствія, которое дало-бы законныя основанія для ареста. На это требованіе делегатъ отвѣчалъ, что прямыхъ и формальныхъ уликъ противъ политическихъ агитаторовъ добыть не представляется возможнымъ. Свидѣтели противъ нихъ показывать не станутъ, такъ какъ боятся ихъ страшной мести. Выслѣдить ихъ собранія нѣтъ возможности, ибо они устрояютъ ихъ въ недоступныхъ мѣстахъ и на чужой территоріи. Никакихъ документовъ также захватить нельзя, такъ какъ всѣ свои распоряженія и сношенія руководители тайныхъ обществъ ведутъ только словесно. Между тѣмъ зловредность этихъ обществъ, по мнѣнію Печчи, не подлежитъ сомнѣнію, ибо девизъ ихъ: подъ предлогомъ либерализма покушаться на чужое имущество.

Пришлось, наконецъ, делегату оказать свою долю вліянія и на ходъ дипломатическихъ переговоровъ, которые велись между папскимъ и неаполитанскимъ правительствомъ относительно Беневента. Дѣло шло объ уступкѣ Беневента неаполитанскому королевству путемъ обмѣна или продажи; но Печчи въ особой докладной запискѣ рѣшительно возсталъ противъ этого проекта, главнымъ образомъ по соображеніямъ религіознымъ, доказывая, что переходъ Беневента подъ управленіе Неаполитанскаго короля гибельно повліяетъ на религіозное состояніе мѣстнаго населенія. По его ли доводамъ, или, быть можетъ, по какимъ либо другимъ причинамъ, дѣло объ уступкѣ было прекращено и Беневентская область осталась по прежнему подъ властію папскаго престола.

Пребываніе въ Беневентѣ сопровождалось для Печчи не одними лишь трудами и заботами; но иногда и удоволь-

ствіями. Особенно пріятныя впечатлѣнія выносили онъ изъ тѣхъ поѣздокъ, которые выпали тогда ему на долю. Въ первое-же лѣто своей делегатской службы онъ сопровождалъ напр. кардинала Бусси, архіепископа Беневентскаго, при его путешествіи въ монастырь Монте-Верджине, гдѣ монахи устроили высокимъ посѣтителямъ роскошный пріемъ. При этой поѣздкѣ молодому делегату первый разъ въ жизни пришлось принимать оказывавшіяся ему военныя почести, которыя привели его въ восхищеніе. Въ мартѣ 1840 г. Печчи, ради отдыха, предпринялъ поѣздку къ берегамъ Салернскаго залива, гдѣ, живя въ знаменитомъ капуцинскомъ монастырѣ Кава, любовался несравненными красотами мѣстоположенія Амальфи. Всего-же болѣе памятна осталась ему поѣздка въ Неаполь, которую онъ счелъ долгомъ предпринять въ апрѣлѣ 1839 г., чтобы лично представиться неаполитанскому королю Фердинанду, такъ какъ къ его владѣніямъ Беневейтская область имѣла особенно близкое отношеніе. Папскій нунцій въ Неаполѣ, монс. Асквини, доставилъ делегату аудіенцію у короля, который принялъ его весьма благосклонно и бесѣдовалъ съ нимъ четверть часа. За королевскимъ пріемомъ слѣдовалъ для Печчи цѣлый рядъ разныхъ торжествъ и увеселеній: то парадныя обѣды у министра иностранныхъ дѣлъ или кардинала Караччіоли, архіеп. Неаполитанскаго, то торжество закладки новаго храма, то посѣщенія разныхъ учрежденій, какъ напр. госпиталей, или художественныхъ мастерскихъ; то поѣздки въ какія либо достопримѣчательныя или живописныя окрестности, какъ напр. въ Позилиппо, или Помпею. Въ высшей степени пріятенъ былъ молодому делегату тотъ почетъ, съ которымъ его всюду встрѣчали, и о Неаполѣ онъ навсегда сохранилъ самое лучшее воспоминаніе, какъ о „городѣ великолѣпномъ и очаровательномъ, щедро надѣленномъ красотами и природы и искусства“. Очень можетъ быть, что эта поѣздка имѣла до нѣкоторой степени и политическое значеніе, такъ какъ при непосредственномъ знакомствѣ съ различными представителями неаполитанскаго правительства Печчи съ удобствомъ могъ обсудить и уладить нѣкоторые вопросы, касавшіеся напр. контрабанды или укрывательства преступниковъ.—Гостепримно встрѣчаемый другими, делегатъ иногда долженъ былъ и самъ устроить торжественный

пріемъ, когда его посѣщали въ Беневентѣ какіе-либо почетные гости, какъ напр. князь Руффо и кардиналъ Пакка. При крайней ограниченности средствъ Печчи, подобныя пріемы были для него весьма обременительны и какъ ни старался онъ послѣ параднаго обѣда урѣзывать представленныя ему поставщиками счета, расходы оказались все-таки болѣе ста рублей и потому опять пришлось писать брату съ просьбой о субсидіи и еще разъ доказывать, что эта трата не есть проявленіе его суетной расточительности; но необходима для поддержанія фамильнаго достоинства.

Такъ въ разныхъ дѣлахъ и хлопотахъ прошло три года и молодой делегатъ началъ уже подумывать о томъ, что пора ему сдѣлать какой-либо дальнѣйшій шагъ на своемъ служебномъ поприщѣ. Чтобы лучше напомнить о себѣ, онъ лично отправился въ Римъ, гдѣ его встрѣтили очень благосклонно, въ лестныхъ выраженіяхъ отзывались о его дѣятельности и общали скорое повышеніе. И дѣйствительно, въ концѣ іюня 1841 г. получено было въ Беневентѣ извѣстіе, что Печчи переводится делегатомъ въ Сполето. Тотчасъ извѣстивъ объ этомъ брата, Іоакимъ еще разъ просилъ его о высылкѣ нѣкоторой суммы денегъ, которыхъ, по обыкновению, ему не хватало, для уплаты предъ отъѣздомъ небольшихъ долговъ и для покрытія издержекъ по поѣздкѣ къ новому мѣсту служенія. Впрочемъ, на этомъ мѣстѣ служить ему не пришлось. Вскорѣ кардиналъ статсъ-секретарь Ламбускини сообщилъ ему радостную вѣсть, что онъ назначенъ на гораздо болѣе важный делегатскій постъ не въ Сполето, а въ Перуджію,—главный городъ Умбріи. Простившись съ Беневентомъ, Печчи заѣхалъ въ Римъ поблагодарить своихъ покровителей, повидался по дорогѣ съ родными и въ началѣ августа выѣхалъ къ мѣсту назначенія.

Старинный городъ, украшенный цѣлою сотней храмовъ и башнями средневѣковыхъ укрѣпленій, живописно расположенъ на вершинѣ высокой горы, откуда открываются роскошныя виды на сосѣднія горныя цѣпи и расположенныя у ихъ подножія цвѣтушія долины Умбріи, которая считалась одною изъ самыхъ богатыхъ и плодороднѣйшихъ областей папскаго государства. При красивомъ мѣстоположеніи и превосходномъ климатѣ Перуджіи, пребываніе въ этомъ городѣ могло-бы быть весьма пріятнымъ для слабаго здоровьемъ

Печчи, если-бы не особенныя политическія обстоятельства данной мѣстности, предвѣщавшія ему и здѣсь не мало усиленныхъ заботъ и трудовъ. Народное настроеніе области не было благоприятно папскому владычеству. Здѣсь еще не умерли преданія того времени, когда Перуджія пользовалась политической независимостію и республиканскими вольностями, послѣ которыхъ ей сильно были не по вкусу абсолютистическіе пріемы римскаго правительства. Подавляемая годами и обстоятельствами свободолюбивыя стремленія получили могучее возбужденіе въ недавнюю пору революціи и Наполеоновскихъ переворотовъ. Перуджія радостно встрѣчала французскихъ солдатъ, какъ своихъ освободителей, и съ восторгомъ слушала, какъ они толковали ей о „правахъ человѣка“ и издѣвались надъ „поповскимъ владычествомъ“. Послѣ всего этого, мѣстное населеніе съ большою неохотою вынуждено было снова подчиниться власти римскаго престола и господствовавшее здѣсь недовольство существующимъ порядкомъ, ревностно поддерживаемое агитаціей тайныхъ обществъ, особенно сильно утвердившихся въ сосѣдней Романьѣ, не разъ готово было выразиться въ попыткахъ къ вооруженному возстанію. Повиновеніе папскому правительству здѣсь, какъ и въ другихъ ближайшихъ провинціяхъ, поддерживалось преимущественно страхомъ. Люди, обвинявшіеся въ политической неблагонадежности, особенно если они выдавались по своимъ талантамъ и вліянію, немедленно присуждались къ ссылкѣ или тюремному заключенію; а самую главною опорой власти Григорія XVI были гарнизоны австрійцевъ, постоянно занимавшіе Болонью и готовые при первой надобности беспощадно подавить всякое проявленіе народнаго недовольства. Само собою разумѣется, что подобныя репрессивныя мѣры улучшить положеніе не могли; а къ этому присоединился наконецъ еще голодъ, явившійся результатомъ нѣсколькихъ лѣтъ неурожая. Голодная толпа, не видя ни откуда помощи, принялась грабить уцѣлѣвшіе у богатыхъ людей хлѣбныя запасы, а усмирять ее оружіемъ стали присланные изъ Романьи батальоны папскихъ швейцарцевъ. Таковы были тѣ условія, при которыхъ приходилось начинать свою дѣятельность Іоакиму Печчи, въ качествѣ делегата Перуджіи.

Тотчасъ-же по пріѣздѣ, делегату пришлось усиленно хло-

потать по поводу совершенно-неожиданнаго, экстреннаго событія. Папа Григорій, путешествуя по нѣсколькимъ провинціямъ своего государства, задумалъ, между прочимъ, посѣтить и Перуджію. Въ распоряженіи Печчи было только двадцать дней для всѣхъ приготовленій къ торжественному приему папы—государя; а между тѣмъ даже самый подъѣздъ къ городу былъ довольно затруднителенъ. Извивавшаяся по краямъ обрывовъ горная дорога, которая, отдѣляясь отъ большого торнаго пути чрезъ долину, поднималась въ горы къ Перуджіи, страдала многими неудобствами и даже совсѣмъ не доходила до городскихъ воротъ. Печчи созвалъ всѣхъ, имѣвшихся у него подъ руками, инженеровъ и рабочихъ и, благодаря ихъ спѣшной напряженной работѣ, ко дню папскаго пріѣзда вся дорога до самыхъ воротъ города приведена была въ полную исправность и, послѣ благополучнаго проѣзда по ней папы, навсегда получила наименованіе „via gregoriana“. Одновременно съ этими работами, было приготовлено для папы великолѣпное помѣщеніе, роскошь и изящество отдѣлки котораго приводили современниковъ въ изумленіе. Прибывшему первосвященнику устроена была торжественная встрѣча; во все время его пребыванія въ городѣ делегатъ окружалъ его самымъ тщательнымъ уходомъ; а при отъѣздѣ провожалъ до Чита делла-Шіэве, гдѣ папа, прощаясь съ Печчи, вручилъ ему много подарковъ и знаковъ отличія для должностныхъ лицъ Перуджіи. Оказаннымъ ему приемомъ папа остался весьма довольнымъ и говорилъ делегату: „при моемъ путешествіи, въ иныхъ мѣстахъ меня принимали какъ простаго монаха; во многихъ другихъ—вполнѣ прилично, но какъ кардинала; въ Анконѣже и въ Перуджіи—истинно какъ государя“. При прощаніи папа сказалъ Печчи: „вернувшись въ Римъ, я о Васѣ вспомню“, и эти слова, конечно, давали делегату довольно твердое основаніе надѣяться, что пребываніе въ Перуджіи не будетъ для него долговременнымъ.

Проводивъ державнаго посѣтителя, Печчи ревностно принялся за благоустройство ввѣренной его управленію области. Здѣсь, какъ и въ Беневентѣ, его правительственная дѣятельность была весьма разнообразна. Прежде всего, онъ спѣшилъ принять какія-либо мѣры для облегченія тяжелаго положенія, въ какомъ находилось страдавшее отъ голода на-

селеніе. По его иниціативѣ и заботамъ были устроены въ Перуджіи общественные хлѣбные магазины, откуда семьи голодающихъ бѣдняковъ могли получать себѣ достаточное продовольствіе въ качествѣ ссудъ подъ какіе-либо незначительные залоги, которые притомъ впоследствии почти всегда имъ возвращались. При его-же дѣятельномъ участіи была учреждена для народа сберегательная касса. Для непосредственнаго ознакомленія съ своею провинціею онъ предпринялъ поѣздку по всѣмъ городамъ ея, присматриваясь и прислушиваясь къ мѣстнымъ потребностямъ и желаніямъ. Онъ обратилъ вниманіе на ея санитарное состояніе, издавъ напр. подробную инструкцію относительно оспопрививанія, въ которой тщательно внушалъ населенію самыя точныя свѣдѣнія о томъ, какъ нужно добывать и примѣнять къ дѣлу оспенную матерію. Инструкція Печчи имѣла тогда тѣмъ большее значеніе, что въ Италіи того времени и особенно въ папскомъ государствѣ оспопрививаніе принималось и распространялось еще весьма неохотно и медленно. Онъ обратилъ вниманіе на судопроизводство въ провинціи и, чтобы сдѣлать его болѣе скорымъ и доступнымъ для недостаточныхъ классовъ населенія, сосредоточилъ въ одномъ центральномъ зданіи всѣ судебныя учрежденія Перуджіи. Онъ вникалъ въ дѣло просвѣщенія, позаботившись напр. о благоустройствѣ коллегии Розы въ городѣ Спелло. Благодаря его заботамъ о матеріальныхъ средствахъ, ходѣ преподаванія и дисциплинѣ этой коллегии, она скоро приобрѣла себѣ лучшую репутацію и стала привлекать все большее и большее количество питомцевъ изъ всѣхъ ближайшихъ окрестностей. Онъ слѣдилъ, наконецъ, по возможности и за нравственнымъ состояніемъ провинціи, регулируя напр. увеселенія карнавала: запрещая маскарадныя процессіи во время совершенія богослуженій, а также употребленіе неприличныхъ и безнравственныхъ костюмовъ, или такихъ, которые представляютъ пародію на правительственныхъ и духовныхъ лицъ. Только полтора года пробылъ Печчи делегатомъ Перуджіи; но и въ это короткое время, благодаря ревностной дѣятельности, явно направленной ко благу населенія, ему удалось достигнуть весьма существеннаго результата, а именно ослабить господствовавшее дотолѣ въ народѣ недовольство существующимъ порядкомъ и въ зна-

чительной степени примирить его съ папскимъ управленіемъ. Благотворная переменѣна не замедлила обнаружиться и на общемъ строѣ жизни провинціи: не слышно было о какихъ-либо угрожающихъ общественному порядку волненіяхъ, количество преступленій замѣтно уменьшилось и тюрьмы почти совсѣмъ опустѣли. Когда Печчи вскорѣ пришлось покинуть Перуджію, представители мѣстнаго населенія и устно и письменно выражали ему „живѣйшую и искреннюю признательность“ за его дѣятельность и глубокое сожалѣніе о томъ, что провинція должна лишиться правителя, близко узнавшаго ея потребности и преисполненнаго самыми лучшими намѣреніями и предположеніями относительно ея благоустройства ¹⁾.

Папа Григорій исполнилъ данное Печчи обѣщаніе вспомнить о немъ при возвращеніи изъ своего путешествія. Въ первыхъ числахъ января 1843-го года Іоакима вызвали въ Римъ и тамъ онъ получилъ извѣстіе о своемъ назначеніи въ Брюссель на постъ папскаго нунція въ Бельгійскомъ королевствѣ; а такъ какъ, по установившемуся обычаю, этотъ постъ соединялся съ епископскимъ саномъ, то папа въ засѣданіи консисторіи 27 января назначилъ и Печчи титулярнымъ архіепископомъ Даміяттскимъ.—Родственники Іоакима встрѣтили вѣсть о его новомъ назначеніи съ величайшею, особенною радостію, такъ какъ онъ былъ для нихъ не только любимымъ и близкимъ человѣкомъ, но и предметомъ фамиліной гордости, и на его успѣхи они смотрѣли какъ на прославленіе своего рода, ради котораго всегда готовы были приносить и приносили всѣ возможныя для нихъ жертвы. Настоящую радость свою они выражали подѣ-часъ въ нѣсколько грубоватой формѣ, весьма характерной для подобныхъ имъ наивныхъ провинціаловъ. Джіованни Печчи писалъ напр.: „Нунцій“ и „архіепископъ“—вотъ двѣ вещи, чтобы переварить которыя нуженъ хорошій желудокъ“... „При столѣ великомъ счастья, въ которомъ принимаетъ участіе вся семья, одно лишь насъ печалитъ,—это большая отдаленность поста, благодаря которой намъ теперь болѣе трудно будетъ видѣться съ Іоакимомъ“... Сестра Катарина писала: „представляется совсѣмъ невозможнымъ, чтобы въ

¹⁾ De T' Serclaes, I. 69; Des Houx 126—128.

столь немногіе годы вы могли получить такое быстрое повышение, которое другимъ стоило-бы великихъ усилій“. Нашелся и поэтъ въ Карпинето, правда невысокой пробы,— аббатъ Джесси, который, въ высокопарныхъ стихахъ восхваляя нѣкоторыхъ своихъ славныхъ согражданъ, превознесъ и Іоакима Печчи, „какъ солнце среди звѣздъ“. Онъ пророчествовалъ ему въ будущемъ „долгую жизнь“ и „кардинальскій пурпуръ“ и говорилъ, что „наступитъ пора, когда Всемогущій Богъ содѣлаетъ его пастыремъ Христова стада и будетъ онъ возсѣдать на высокомъ престолѣ со скипетромъ, съ крестомъ на груди и тиарой на челѣ“. По этому поводу одинъ изъ біографовъ Печчи, ссылаясь на Ляфонтена, замѣчаетъ, что иногда и глуцы источаютъ премудрость, что, очевидно, имѣло мѣсто и въ настоящемъ случаѣ, такъ какъ предсказанія Карпинетскаго пророка сбылись впоследствии съ буквальною точностію ¹⁾. Самъ Печчи встрѣчалъ происшедшую съ нимъ переменъ, повидимому, не безъ нѣкотораго смущенія. „Это назначеніе“, писалъ онъ кардиналу Бусси, архіеп. Беневентскому, „хотя очень почетное и для другихъ весьма желательное, причиняетъ мнѣ безпокойство, такъ какъ я сознаю свое несовершенство въ виду тѣхъ многочисленныхъ обязанностей, какія это назначеніе на меня возлагаетъ. Я ѣду не съ чувствомъ гордости, но лишь изъ сыновняго послушанія верховному пастырю и преклоняюсь предъ таинственными предначертаніями неба“ ²⁾. Очень можетъ быть, что эти слова Іоакима не были одними лишь обычными въ подобныхъ случаяхъ фразами, но выражали его дѣйствительное настроеніе, такъ какъ нѣкоторое безпокойство и смущеніе съ его стороны вполне понятны. Выпадавшая на его долю переменъ была слишкомъ серьезна, чтобы можно было относиться къ ней съ полнымъ спокойствіемъ. Его ставили теперь совсѣмъ на новый путь и притомъ путь скользкій и опасный. Человѣку, никогда доселѣ не выѣзжавшему изъ предѣловъ родной страны и имѣвшему дѣло только съ соотечественниками, приходилось теперь жить и дѣйствовать на далекой чужбинѣ, среди невѣдомыхъ людей и совершенно новыхъ для него условій жизни.

¹⁾ Narfond p. 79—80.

²⁾ Ib. p. 78; De T'Serclaes I, 72.

Администратору, шедшему до сихъ поръ по испытанной общественной дорогѣ, знакомой всякому итальянцу и подданному папскаго государства, приходилось теперь становиться дипломатомъ и считаться съ тонкими, нерѣдко щекотливыми, вопросами международныхъ и междуцерковныхъ отношеній. Задача, очевидно, предстояла нелегкая, а потому и было отъ чего почувствовать нѣкоторое безпокойство. Однако люди сторонніе, хорошо знавшіе Печчи, за него не безпокоились, выражая твердую увѣренность въ томъ, что онъ сумѣетъ стать на высотѣ того положенія, которое выпадаетъ теперь ему на долю. Переведенный въ Парижъ предшественникъ Печчи по бельгійской нунціатурѣ, монсенъеръ Форнари, ученикомъ котораго былъ Іоакимъ по римской академіи, въ одномъ изъ частныхъ писемъ дѣлаетъ напр. такой отзывъ о своемъ преемникѣ: „нельзя сомнѣваться, что монс. Печчи — прелатъ высокаго благочестія, съ большимъ талантомъ и многими познаніями. Быть можетъ, онъ немножко робокъ по характеру, или скорѣе его чрезвычайная скромность похожа на робость; но это вознаграждается его высоко - просвѣщеннымъ умомъ и благоразуміемъ, благодаря которымъ онъ никогда не сдѣлаетъ ложнаго шага. Я не зналъ, что онъ совсѣмъ не говоритъ по-французски. Конечно, это можетъ затруднить его дѣятельность, ограничивая сношенія съ тѣми лицами, до которыхъ онъ будетъ имѣть дѣло; но мало по малу онъ съ этимъ языкомъ освоится и получитъ возможность говорить со всѣми... Кромѣ того, у него такъ много ревности, что она вознаграждаетъ недостатокъ языка. Повѣрьте мнѣ: это человѣкъ настолько добросовѣстный и благонамѣренный, что не пренебрежетъ никакимъ средствомъ къ тому, чтобы должнымъ образомъ исполнить всѣ свои обязанности и быть полезнымъ добродѣлю“ ¹⁾. Бельгійскій повѣренный въ дѣлахъ въ Римѣ, м. Нойзъ, писалъ о новомъ нунціи кардиналу Уайзмэну: „монсенъеръ Печчи—это человѣкъ превосходнаго характера, нрава спокойнаго и разсудительнаго и благочестія примѣрнаго... Я не сомнѣваюсь, что, при его способностяхъ и великомъ стремленіи къ добру, онъ удовлетворитъ всѣмъ требованіямъ своего положенія“.

¹⁾ Des Houx p. 146—147; De T'Serclaes I, 78—79; Nartfond p. 80—81.

Девятнадцатаго февраля 1843 г. совершено было рукоположеніе новаго нунція въ епископскій санъ. Священнодѣйствіе происходило въ древнемъ храмѣ S. Lorenzo in Panisperna, построенномъ на вершинѣ виминальскаго холма, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ, по преданію, претерпѣлъ мученическую кончину Св. Лаврентій; а рукополагалъ Іоакима самъ статсъ-секретарь папы Григорія, кардиналъ Ламбускини, при чемъ его ассистентами были: секретарь конгрегаціи епископовъ и монаховъ, монс. Асквини, титулярный архіепископъ Тарскій, и папскій ризничій (sacrista), монс. Каstellани, титулярный епископъ Порфирскій. Бельгійское посольство въ полномъ составѣ своемъ присутствовало при торжественной церемоніи, послѣ которой всѣмъ участникамъ и приглашеннымъ лицамъ предложено было отъ новаго епископа установленное обычаемъ приличное случаю угощеніе. Пробывъ въ Римѣ еще мѣсяць послѣ хиротоніи, Печчи, 19-го марта, сѣлъ въ Чивита-Веккии на французскій пароходъ „Сезострисъ“, чтобы отправиться къ мѣсту своего новаго служенія и черезъ два дня былъ въ Марсели. На дорогу онъ взялъ съ собою французскую грамматику и прилежно изучалъ ее во все продолженіе своего путешествія, при чемъ случай оказалъ ему въ этомъ дѣлѣ неожиданную помощь. Нездоровье задержало его дней на десять, и даже болѣе, въ Римѣ и этою остановкой онъ успѣшилъ воспользоваться, чтобы взять здѣсь нѣсколько уроковъ французскаго языка. Въ результатѣ этихъ настойчивыхъ, хотя и торопливыхъ, усилій оказалось, что по приѣздѣ въ Бельгію Печчи могъ настолько удовлетворительно объясняться по-французски, что не имѣлъ необходимости прибѣгать къ услугамъ переводчика. Оправившись отъ болѣзни, онъ безъ задержки продолжалъ свой путь и, не заѣзжая въ Парижъ, чрезъ Реймсъ и Мезьеръ 7-го апрѣля прибылъ въ Бельгію. Вступленіе новаго нунція въ столицу королевства совершилось по совсѣмъ необычному церемоніалу. Когда Печчи приближался къ Брюсселю по дорогѣ, идущей около Вильвордскаго канала, взбѣсившіяся лошади понесли его экипажъ и едва не опрокинули вмѣстѣ съ сѣдокомъ въ воду, если-бы не предотвратило угрожающую катастрофу самоотверженное вмѣшательство проходившаго здѣсь патера изъ ближайшаго сельскаго прихода. Спасшись такимъ образомъ отъ почти неминуемой гибели,

архієпископъ—нунцій съ необычной для его сана скромностію пѣшкомъ вступилъ въ свою новую резиденцію.

Пребываніе въ чужой странѣ для любознательнаго, но никогда еще доселѣ не выѣзжавшаго изъ Италіи, прелата было, конечно, полно новыхъ впечатлѣній, которыми онъ въ письмахъ охотно дѣлился съ близкими ему людьми. Слабому здоровью южанину прежде всего пришлось довольно тяжело почувствовать на себѣ перемѣну климата. Онъ жаловался на тѣ неудобства, какія ему приходится испытывать благодаря сырости и недостатку солнца. „Прохлада и измѣнчивость температуры“, писалъ онъ, „требуютъ большихъ предосторожностей; въ іюнѣ и въ іюлѣ у насъ были въ Брюсселѣ такіе суровые дни, которые не отличались отъ самаго дурнаго римскаго ноября“. „Предстоящая зима будетъ для меня пробнымъ камнемъ, такъ какъ извѣстно, что она бываетъ здѣсь весьма сырая и суровая. Правда, дома здѣсь такъ хорошо приспособлены, что въ нихъ можно вполне защититься отъ холода. Двери и окна вдѣланы съ такою точностію, что ни одна струя воздуха не можетъ чрезъ нихъ проникнуть, а всѣ полы и ступени лѣстницъ деревянные“. что, очевидно, весьма удивляло итальянца, привыкшаго видѣть у себя на родинѣ повсюду лишь камень и мраморъ. Съ особеннымъ интересомъ описывалъ Печчи и большія каменные печи съ теплопроводными трубами, которыхъ онъ никогда дотолѣ не видывалъ на своей благодатной родинѣ, всегда пригрѣваемой ласковымъ солнышкомъ. Внѣшній видъ страны въ общемъ произвелъ на Печчи благоприятное впечатлѣніе. Бельгійскія поля показались ему „хотя нѣсколько монотонными, благодаря совершенно плоской поверхности почвы“, но тѣмъ не менѣе живописными и весьма плодородными; а городъ Брюссель, съ его готическими памятниками и новѣйшими постройками, какъ напр. театръ, которыя „своими портиками и колоннами подражаютъ древнимъ греческимъ и римскимъ сооруженіямъ и представляютъ внушительный видъ“, Печчи нашелъ красивымъ и пріятнымъ. Но всего болѣе интересовала его и нерѣдко приводила въ изумленіе высокая степень развитія бельгійской промышленности и культуры, въ особенности же такія выдающіяся нововведенія того времени, какъ газовое освѣщеніе и желѣзныя дороги. Тѣмъ болѣе удивлялся всему этому Печчи, что

его родная Італія во многомъ тогда отстала отъ другихъ странъ Европы и никакихъ еще газовъ и желѣзныхъ дорогъ не видывала. Понятно, что эти чудесныя новинки особенно привлекали его вниманіе и онъ тотчасъ-же спѣшилъ разсказать своимъ соотечественникамъ, какъ въ Брюсселѣ по ночамъ на улицахъ въ висящихъ желѣзныхъ канделябрахъ сіяютъ газовые фонари и какого вообще высокаго развитія культуры достигла Бельгія. „Промышленность и торговля этой страны“, писалъ онъ, „достигли высшей точки и Брюссель, стоящій на полдорогѣ къ Лондону и Парижу, своимъ коммерческимъ движеніемъ напоминаетъ эти двѣ великія столицы міра. Этимъ онъ обязанъ главнымъ образомъ грандіознымъ средствамъ сообщенія и въ особенности желѣзнымъ дорогамъ, которыя проходятъ по королевству со всѣхъ сторонъ и съ чрезвычайной быстротою перевозятъ массы и людей и товаровъ. Нужно замѣтить, что эти желѣзныя дороги установились въ Бельгіи весьма легко, какъ благодаря великому обилію желѣза, доставляемаго копиями этой страны, такъ и потому, что бельгійцы искусны и неутомимы въ самыхъ тяжелыхъ работахъ“.... „По случаю открытія желѣзной дороги въ Намюръ я пожелалъ сопровождать Ихъ Величества, короля и королеву, такъ какъ здѣсь существуетъ обычай устраивать въ подобныхъ случаяхъ торжества и приглашать на нихъ королевскую фамилію и дипломатическій корпусъ. Нѣтъ ничего пріятнѣе этихъ поѣздокъ, при которыхъ дѣлаютъ болѣе двадцати миль въ часъ. На возвратномъ пути мы въ три съ половиною часа прибыли изъ Намюра въ Брюссель, проѣхавъ разстояніе около шестидесяти четырехъ миль. Пріятнѣйшія на взглядъ картины, виллы, усадьбы, деревни мелькали у насъ направо и налево, какъ оптической обманъ“.

Народъ бельгійскій удивлялъ Печчи, какъ итальянца, своимъ замѣчательнымъ хладнокровіемъ. „Характеръ здѣшнихъ жителей вообще добрый и гостепріимный; но во всѣхъ случаяхъ, даже при самыхъ шумныхъ торжествахъ, замѣтна отличающая фламандцевъ флегматичность“. Ихъ доброта и глубокая религіозность произвели на нунція самое благопріятное впечатлѣніе. „Католическое настроеніе“, писалъ онъ, „къ счастью еще господствуетъ и въ народѣ и въ палатахъ парламента; министерство не противодействуетъ этому,

а король, хотя и протестантъ,—покровительствуетъ“. Скоро однако оказалось, что этотъ свѣтлый взглядъ на религіозное состояніе Бельгіи, въ особенности по отношенію къ ея правительству, не вполне соответствовали дѣйствительности.

Обстоятельства, при которыхъ Печчи начиналъ свою дипломатическую карьеру, были для него не особенно благоприятны. Условія жизни того государства, съ которымъ ему приходилось теперь имѣть дѣло, были не только совершенно новы и необычны для него, но нерѣдко стояли даже въ прямомъ и рѣзкомъ противорѣчій съ тѣми понятіями и убѣжденіями, въ которыхъ самъ онъ былъ воспитанъ. Юное бельгійское королевство было плодомъ революціи 1830-го года и такимъ образомъ только-что вступило тогда лишь во второе десятилѣтіе своего политическаго существованія. Народъ бельгійскій, соединенный по опредѣленію Вѣнскаго конгресса вмѣстѣ съ голландскимъ подъ властію одного Нидерландскаго короля, не вынесъ этого искусственнаго и во многихъ отношеніяхъ для него невыгоднаго и непріятнаго союза и, возставъ противъ своего государя, вооруженною рукой добился независимости, которая на Лондонской конференціи признана была и великими державами Европы. Рѣшеніемъ бельгійскаго національнаго конгресса новое государство провозглашено было конституціонной монархіей и на его престолъ призванъ былъ герцогъ Леопольдъ Саксенъ-Кобургъ-Готскій, который 21 февраля 1831 года торжественно вѣхалъ въ Брюссель и принесъ присягу на вѣрность конституціи. Эта конституція, съ сенатомъ и палатой депутатовъ, имѣла весьма либеральный характеръ. Она провозглашала равенство всѣхъ гражданъ предъ закономъ, отмѣняла всякое различіе между сословіями, устанавливала свободу ассоціаціи, собраній, слова, печати и обученія и, при полномъ отдѣленіи церкви отъ государства, предоставляла свободу всѣмъ вѣроисповѣданіямъ. Всѣ эти принципы и событія совершенно не мирились съ возрѣвніями папскаго нунція. Воспитанный въ іезуитскихъ школахъ, выросшій въ абсолютистическомъ папскомъ государствѣ и получившій первые уроки самостоятельной политической дѣятельности подъ вліяніемъ той крайней реакціи, которая царилла послѣ революціонныхъ и наполеоновскихъ переворотовъ, и которой папа Григорій XVI былъ однимъ изъ самыхъ типичныхъ представителей,

Печчи привыкъ благоговѣть предъ наследственной и неприкосновенной властью государей, ненавидѣть революцію, смотрѣть на всякія народныя вольности, какъ на поводъ къ мятежу и источникъ общественныхъ безпорядковъ, и съ ужасомъ относиться къ той свободѣ, которая католическую церковь ставитъ наравнѣ со всякими еретическими сектами. И вдругъ, человѣка такихъ воззрѣній судьба поставила дѣятелемъ въ томъ государствѣ, которое самымъ существованіемъ своимъ обязано удачной революціи, утвержденной всеобщимъ признаніемъ,—въ государствѣ, гдѣ народная воля признается верховною и, выражаясь въ простомъ количествѣ голосовъ, распоряжается и королевскимъ престоломъ и всѣми законами страны,—въ государствѣ, гдѣ и католическая религія вынуждена мириться съ равенствомъ и свободой, предоставленными всѣмъ вѣроисповѣданіямъ, — гдѣ, наконецъ, возведена въ законъ свобода и слова, и печати, и ассоціацій, и обученія, т. е. всѣ тѣ народныя вольности, которыя въ папскомъ государствѣ всякому администратору предписывалось преслѣдовать, какъ опасныя проявленія мятежнаго духа. Трудность положенія новаго нунція увеличивалась еще тѣмъ, что во внутренней жизни бельгійскаго королевства между разными враждующими элементами шла борьба, въ которой и ему, какъ представителю римско-католической церкви и папы, неизбѣжно приходилось принять дѣятельное участіе. Борьба эта велась главнымъ образомъ между двумя партіями: католиковъ и такъ называемыхъ либераловъ. На первыхъ порахъ самостоятельной жизни королевства партія католиковъ, благодаря своему сильному численному превосходству, имѣла рѣшительный перевѣсъ надъ противниками, а потому располагала большинствомъ въ парламентѣ, настроенію котораго соотвѣтствовалъ, конечно, и составъ министерства. Но съ теченіемъ времени либералы, дружно и ревностно пропагандировавшіе свои идеи, стали приобретать все большее и большее вліяніе, особенно въ большихъ городахъ и главнымъ образомъ въ столицѣ. Ко времени прибытія Печчи въ Бельгію вліяніе либераловъ возрасло здѣсь уже до такой степени, что и въ составъ находившагося у власти министерства вошло нѣсколько представителей этого направленія, при чемъ къ ихъ числу относился и самъ глава министерства—Нотомбъ. Такой обо-

ротъ событій не много предвѣщаль здѣсь хорошаго для римско-католической церкви и задача блюстителей ея интересовъ была тѣмъ затруднительнѣе, что между папскимъ престоломъ и Бельгіей не существовало никакого конкордата, который съ возможною точностію предусматриваль и опредѣляль-бы взаимныя отношенія между духовной и свѣтской властію; а потому, при неопредѣленности этихъ отношеній, церковные интересы нерѣдко должны были стоять въ зависимости отъ случайныхъ настроеній парламентскаго большинства. Испытывать эти затрудненія и такъ или иначе считаться съ ними выпадало теперь на долю новому нунцію.

При отправленіи въ Бельгію, Печчи, не смотря на его молодость, облеченъ былъ отъ папы особеннымъ довѣріемъ и широкими полномочіями. Объ этомъ свидѣтельствуетъ папское бреве, которое, при пріѣздѣ, онъ долженъ былъ вручить бельгійскому примасу, кардиналу Стерксу, архіепископу Мехельнскому. Папа писалъ здѣсь: „съ настоящею граматою явится къ Вамъ Нашъ достопочтенный братъ, Іоакимъ, архіепископъ Даміэтскій, нунцій Нашъ и святаго престола. Мы настоятельно рекомендуемъ его вамъ, дражайшій сынъ Нашъ, и Нашимъ достопочтеннымъ братіямъ. Во всѣхъ дѣлахъ, о которыхъ онъ станетъ разсуждать съ вами отъ Нашего имени, оказывайте ему такую-же вѣру, какъ Намъ Самимъ, если бы мы говорили въ вашемъ присутствіи. Съ тѣмъ-же уваженіемъ и преданностію, какія вы оказываете Апостольскому престолу, содѣйствуйте и ему вездѣ, гдѣ онъ будетъ имѣть нужду въ вашемъ совѣтѣ и вашей помощи для успѣшнаго осуществленія того весьма важнаго служенія, которое ему поручено. Вы найдете въ немъ человѣка, замѣчательнаго по своему благочестію, непорочности, благоразумію и умственнымъ качествамъ и Мы не сомнѣваемся также въ томъ, что онъ пріобрѣтетъ ваше особенное благоволеніе. Мы будемъ помнить ваши ему услуги и будемъ признательны за нихъ, какъ-бы за оказанныя Намъ самимъ ¹⁾“.—Изъ этихъ словъ документа можно, повидимому, заключить, что папа въ данномъ случаѣ смотрѣлъ на своего нунціа не какъ только на дипломатическаго агента.

¹⁾ De T'Serclaes I, 81.

аккредитованнаго при иностранномъ дворѣ государемъ церковной области; а какъ на полномочнаго представителя главы церкви, къ которому и всѣ мѣстные іерархи должны потому относиться съ особеннымъ уваженіемъ и во всемъ оказывать ему свое содѣйствіе, какъ будто не нунціемъ только былъ Печчи, а легатомъ.

Вполнѣ сознавая, конечно, всю трудность и отвѣтственность своего положенія, Печчи прежде всего постарался не опустить представлявшей ему возможности воспользоваться совѣтами и указаніями его предшественника по нунціатурѣ и бывшаго наставника по академіи, монс. Форнари. Совѣты этого опытнаго и уже хорошо знакомаго съ Бельгіей дипломата могли имѣть тѣмъ болѣшую цѣнность, что Форнари пользовался въ этой странѣ весьма широкою популярностію и такъ искусно сумѣлъ себя поставить, что къ нему одинаково относились съ расположеніемъ и король, и духовенство, и обѣ парламентскія партіи, т. е. люди различныхъ воззрѣній и требованій. По пріѣздѣ въ Брюссель Печчи мало имѣлъ возможности видѣться и бесѣдовать съ своимъ предшественникомъ, который уже спѣшилъ въ Парижъ, къ мѣсту своего новаго назначенія; но, по взаимному соглашенію, между ними завязалась дѣятельная и весьма интересная переписка, при чемъ Форнари съ полною откровенностію высказывалъ свои мнѣнія о различныхъ вопросахъ внутренней и внѣшней политики, характеризовалъ тѣхъ или другихъ бельгійскихъ общественныхъ дѣятелей, рекомендуя своему преемнику однихъ и предостерегая отъ другихъ, и почти съ отеческою нѣжностію преподавалъ бывшему ученику свои совѣты. Полная коллекція писемъ Форнари доселѣ хранится въ архивѣ Карпинето, какъ документальное свидѣтельство о томъ, какова цѣннаго руководителя пріобрѣлъ себѣ Печчи на первыхъ шагахъ своей дипломатической карьеры.

Слѣдуя одному изъ первыхъ совѣтовъ Форнари, Печчи, прежде всего, постарался заручиться благоволеніемъ короля и королевы, что и удалось ему въ полной мѣрѣ. Молодой и представительный по наружности, изящный въ обращеніи, съ большимъ тактомъ и умѣньемъ держать себя, любезный, остроумный и интересный собесѣдникъ; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, основательно образованный, чутко и вдумчиво относившійся

ко всѣмъ серьезнымъ вопросамъ, искренно-религиозный и благочестивый, онъ произвелъ наилучшее впечатлѣніе на королевскую чету. У Леопольда, хотя онъ и былъ протестантомъ, папскій нунцій скоро сталъ постояннымъ гостемъ и даже почти другомъ, съ которымъ онъ совѣтовался по разнымъ дѣламъ и затѣвалъ иногда бесѣды о самыхъ щекотливыхъ вопросахъ, говоря, что видитъ въ немъ „столь-же хорошаго политика, какъ и превосходнаго прелата“. Еще большее расположеніе приобрѣлъ Печчи у ревностной католички, королевы Луизы-Маріи, которая съ готовностію слѣдовала его совѣтамъ относительно воспитанія своихъ дѣтей. Много лѣтъ спустя, уже будучи кардиналомъ, Печчи, въ бесѣдѣ съ однимъ бельгійскимъ епископомъ, съ любовью вспоминалъ о своихъ сердечныхъ отношеніяхъ къ королевской семьѣ,—о томъ, какъ онъ на рукахъ держалъ маленькаго принца, теперь уже находящагося на престолѣ, и какъ мать - королева просила его благословить ея наслѣдника, чтобы ему выпало на долю счастье стать хорошимъ королемъ.—Частыя свиданія и дружественныя бесѣды съ королемъ имѣли для Печчи весьма существенное значеніе, такъ какъ давали ему нерѣдко возможность оказывать на короля свое вліяніе и приобрѣтать его могущественную поддержку въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣятельность бельгійскаго правительства близко касалась интересовъ римско-католической церкви, защищать которые составляло задачу папскаго нунція. Потребность такой защиты оказалась очень скоро, причемъ въ разгорѣвшейся борьбѣ Печчи пришлось принять дѣятельное участіе.

Основнымъ пунктомъ, на которомъ сталкивались соперничествовавшія между собою партіи католиковъ и либераловъ, былъ главнымъ образомъ вопросъ о школьномъ обученіи, такъ какъ преобладаніе въ этомъ отношеніи, подчиняя идеямъ той или другой партіи юное поколѣніе, тѣмъ самымъ наиболѣе обезпечивало имъ конечное торжество. Отсюда особенная рѣзкость борьбы по этому вопросу, которая въ тѣхъ или иныхъ формахъ давала себя чувствовать и въ высшей школѣ, и въ правительствѣ и въ палатахъ парламента.

Въ іюль 1843 г. Печчи получилъ приглашеніе посѣтить Лувенскій университетъ по случаю предполагающагося тамъ торжества присужденія ученыхъ степеней. Этотъ универси-

теть имѣлъ особенное значеніе для бельгійскихъ католиковъ. Онъ лишь недавно возстановленъ былъ съ папскаго благословенія стараяими епископовъ и духовенства на добровольныя пожертванія всего католическаго населенія страны, при чемъ имѣлось въ виду создать въ немъ для Бельгій надежный оплотъ церкви и папскаго престола, въ противодѣйствіе столичному университету Брюссельскому, въ которомъ господствовали либералы. На ученое торжество своего университета собрались всѣ бельгійскіе епископы, съ кардиналомъ Стерксомъ во главѣ, а папскому нунцію устроенъ былъ почетный пріемъ, при чемъ ректоръ и студенты встрѣчали его привѣтственными рѣчами. Отвѣчая на привѣтствія, Печчи, конечно, выражалъ свое сочувствіе этому ученому учрежденію и восхвалялъ ту „истинную мудрость и преданность церкви“, которыя его одушевляютъ ¹⁾. Такія похвалы скоро однако нужно было признать нѣсколько преувеличенными. Лувенскій университетъ, долженствовавшій быть твердою опорой католицизма и папства, самъ оказался несвободнымъ отъ вліянія новыхъ идей и тому-же Печчи, два года спустя, пришлось принимать участіе въ устраниеніи рѣзкаго столкновенія между университетомъ и отцами-иезуитами. Въ философскомъ преподаваніи Лувена обнаружилось тогда направленіе, которое съ строгой римско-католической точки зрѣнія не могло быть терпимо, а именно,—такъ называемый традиціонализмъ, блестящимъ и наиболее вліятельнымъ представителемъ котораго былъ въ то время Ламеннэ, пріобрѣтшій себѣ послѣдователей и въ Бельгій. По своимъ основнымъ положеніямъ эта религіозно-философская система не была враждебна католицизму и, мало того,—Ламеннэ явился даже однимъ изъ основателей того ультрамонтанства, которое привело къ догматизированію папской непогрѣшимости; но по многимъ частнымъ пунктамъ она, при дальнѣйшемъ развитіи, стала проповѣдывать такія идеи къ которымъ Римъ могъ отнестись только съ осужденіемъ. Ламеннэ отвергалъ напр. ученіе о первородномъ грѣхѣ и говорилъ, что познаніе добра и зла не грѣхъ, а первый шагъ чловѣка на пути прогресса. Онъ требовалъ свободы совѣсти, свободы печати и свободы обученія; провозглашалъ

¹⁾ O'Reilly, p. 106—108.

народный суверенитетъ, полное отдѣленіе церкви отъ государства и необходимость для папы отказаться отъ свѣтской власти. Когда подобныя идеи стали проповѣдываться съ кафедръ Лувенскаго университета, и высшая церковная власть и католическіе ревнителѣ въ обществѣ, конечно, обратили на это свое вниманіе. Сочиненія нѣкоторыхъ профессоровъ, считавшихся подозрительными, были потребованы въ Римъ на разсмотрѣніе конгрегации индекса, а по возможности ограничить кругъ вліянія университетскаго преподаванія задумали отцы-иезуиты. У нихъ была своя коллегія въ Намюрѣ, обладавшая большимъ количествомъ питомцевъ и пользовавшаяся расположеніемъ бельгійскаго католическаго общества. О.о. иезуиты стали хлопотать теперь о томъ, чтобы устроить при этой коллегіи полный философскій факультетъ, гдѣ молодые люди могли-бы получать и ученныя степени. Преподаваніе на этомъ факультетѣ было бы, конечно, въ строгомъ соотвѣтствіи со всѣми требованіями католической науки, а потому поступающая сюда молодежь была-бы застрахована отъ той опасности соблазна и заблужденія, какая угрожала ей въ университетѣ Лувена. Противъ этой затѣи сильно возсталъ, конечно, лувенскій университетъ: а его сторону приняло и большинство бельгійскихъ епископовъ, которые были главными устроителями университета, а потому близко принимали къ сердцу его судьбу. Защитники интересовъ университета доказывали, что конкуренція намюрской коллегіи можетъ сопровождаться для него весьма вредными и даже губительными послѣдствіями. Не говоря уже о томъ, что открытіе соперничающаго факультета налагало нѣкоторую тѣнь на репутацію лувенскаго университета, оно неизбѣжно должно было причинить ему и существенный матеріальный ущербъ. Намюрская коллегія, обладая правомъ присужденія ученыхъ степеней, конечно, отвлечетъ отъ университета значительное количество молодежи, а это обстоятельство можетъ сильно подорвать финансовыя средства недавно устроеннаго и еще недостаточно окрѣпшаго учрежденія. Начавшееся такимъ образомъ столкновеніе угрожало внести серьезный разладъ въ партію бельгійскихъ католиковъ, что было-бы совершенно несвоевременно въ виду постоянно возростающаго вліянія враждебныхъ имъ либераловъ. Благодаря своевременному и удач-

ному вмѣшательству папскаго нунція, это щекотливое дѣло было благополучно улажено и не сопровождалось какими-либо, опасными для церкви, послѣдствіями. Печчи убѣдилъ обѣ враждующія стороны предоставить рѣшеніе ихъ спора на усмотрѣніе апостольскаго престола; а папа и курія въ данномъ случаѣ дѣйствовали соотвѣтственно тѣмъ свѣдѣніямъ и указаніямъ, какія получали отъ того-же Печчи. По его совѣту напр. папа потребовалъ отъ каждаго изъ бельгійскихъ епископовъ въ отдѣльности, чтобы всѣ они представили ему письменно свое мнѣніе относительно средствъ, при помощи которыхъ можно было-бы уладить затѣявшееся столкновеніе. Окончательное рѣшеніе спора послѣдовало въ такомъ смыслѣ, что болѣе или менѣе удовлетворило и успокоило обоихъ противниковъ. Съ одной стороны, намюрской коллегіи не было предоставлено права присужденія ученыхъ степеней и ея преподаваніе должно было имѣть характеръ приготовленія къ курсу университета; но, съ другой стороны, лувенскимъ профессорамъ конгрегация индекса, не прибѣгая къ какимъ-либо рѣзкимъ и оскорбительнымъ мѣрамъ, сдѣлала серьезное предостереженіе съ увѣщаніемъ отказаться отъ допущенныхъ ими заблужденій, а въ постановкѣ университетскаго преподаванія Печчи постарался добиться должныхъ измѣненій, которыя и были ему обѣщаны ¹⁾.

На почвѣ того-же вопроса о школьномъ обученіи Печчи пришлось столкнуться съ тогдашнимъ бельгійскимъ правительствомъ, т. е. съ министерствомъ Нотомба. Дѣйствовавшій въ то время законъ о первоначальныхъ школахъ былъ составленъ еще подъ преобладающимъ вліяніемъ католическаго большинства, а потому предоставлялъ въ нихъ довольно широкій просторъ религіозному обученію и участію духовенства. Но въ министерствѣ Нотомба получило господство иное направленіе, которое стремилось изъять школу изъ-подъ церковнаго вліянія и придать ей, какъ говорили тогда „нейтральный“, т. е. безконфессіональный, или даже безрелигіозный характеръ. Измѣнить съ этою цѣлію самую букву закона правительство было, конечно, не въ правѣ; но оно старалось перетолковать его смыслъ и придать ему совсѣмъ иное значеніе при его практическомъ примѣненіи.

¹⁾ De T'Serclaes I, 123—126; Des Houx p. 130—133.

Епископы Бельгін, конечно, не сочли возможнымъ безпрепятственно допустить такой образъ дѣйствій правительства и настаивали на томъ, чтобы школьный законъ примѣнялся въ смыслѣ, наиболѣе соотвѣтствующемъ интересамъ церкви. Въ январѣ 1843 г. они обнародовали свои инструкціи приходскимъ священникамъ, гдѣ духовенству внушалось, чтобы оно было опорой для школы и для учителей. Священникамъ предписывалось какъ можно чаще и продолжительнѣе посѣщать школы, поддерживать наилучшія отношенія съ учителями, стараться о томъ, чтобы школьное преподаваніе было проникнуто христіанскимъ духомъ и чтобы самая внѣшняя обстановка классовъ имѣла религіозный характеръ, благодаря присутствію распятія и чтенію молитвы. Эти инструкціи совершенно не соотвѣтствовали желаніямъ министерства и Нотомбъ никакъ не соглашался допустить, чтобы школьному закону придавалось такое явно-католическое освѣщеніе. Когда Печчи прибылъ къ мѣсту своего служенія въ Бельгін, Нотомбъ успѣшилъ обратиться къ нему за содѣйствіемъ по школьному вопросу. Онъ желалъ, чтобы нунцій употребилъ свое вліяніе на епископовъ и побудилъ ихъ болѣе сообразоваться съ намѣреніями правительства. Однако расчеты министра въ этомъ случаѣ совершенно не оправдались. Печчи со всею рѣшительностію принялъ сторону епископовъ и даже, повидимому, постарался повліять въ томъ же направленіи и на короля. Баронъ де Голльвилль рассказываетъ, что однажды нунцій вступилъ съ министромъ въ оживленный споръ по школьному вопросу въ присутствіи короля и послѣ этого спора Нотомбъ вышелъ изъ залы весьма разстроеннымъ.— Столкновеніе Печчи съ правительствомъ получило еще болѣе явный и рѣзкій характеръ, когда министерство Нотомба задумало провести законодательнымъ порядкомъ новый проэктъ относительно организаціи экзаменаціонныхъ комиссій. По существовавшему до сихъ поръ закону, эти комиссіи составлялись такъ, что одна треть членовъ назначалась отъ правительства, а двѣ трети избирались парламентомъ. Составленный Нотомбомъ проэктъ измѣнялъ этотъ законъ въ томъ смыслѣ, что всѣ члены комиссій отнынѣ должны быть назначаемы правительствомъ. Если принять во вниманіе, что въ парламентѣ большинство голосовъ принадлежало еще тогда партіи ка-

толиковъ, а министерство, напротивъ, явно склонялось на сторону либераловъ, то не трудно понять, что проэктъ Нотомба очевидно направленъ былъ къ тому, чтобы въ дѣлѣ руководства просвѣщеніемъ дать преобладающее вліяніе партіи либераловъ, въ ущербъ католикамъ. Такъ именно поняли смыслъ министерскаго проэкта бельгійскіе католики, а потому, предводимые епископами, постарались составить ему энергичную оппозицію, горячимъ участникомъ которой выступилъ и Печчи. Завязалась оживленная парламентская борьба, при чемъ довольно подробный и интересный отчетъ о ходѣ ея Печчи представлялъ въ Римъ въ особыхъ докладахъ статсъ-секретарю папскаго престола, кардиналу Ламбускини ¹⁾. Дѣло это настолько привлекало къ себѣ всеобщее вниманіе, что не только папскій нунцій, но и посланники другихъ европейскихъ державъ: Пруссіи, Франціи и Австріи, слѣдили за нимъ съ напряженнымъ интересомъ, присутствовали на парламентскихъ засѣданіяхъ и путемъ частныхъ переговоровъ старались расположить нѣкоторыхъ депутатовъ къ голосованію въ пользу министерскаго проэкта. Восемь дней продолжались пренія, отличавшіяся столь оживленнымъ характеромъ, что, по отзыву Печчи, никогда еще дотолѣ палаты бельгійскаго парламента не были свидѣтелями чего-либо подобнаго. Католическая партія обнаружила при этомъ необычайную твердость и единодушіе, такъ что въ концѣ концовъ проэктъ министерства потерпѣлъ отъ парламента большинства рѣшительное пораженіе. Такимъ образомъ по школьному вопросу Печчи всецѣло становился на сторону католической партіи и выступалъ явнымъ противникомъ либеральничавшаго правительства. И нельзя сказать, чтобы такой образъ дѣйствій былъ обязательнымъ и заранѣе опредѣлялся для него самымъ его положеніемъ, какъ папскаго нунція. Прежній бельгійскій нунцій, монс. Форнари напр. признавалъ болѣе благоразумнымъ держаться по данному вопросу иной политики, что и высказывалъ въ своихъ письмахъ къ Печчи ²⁾; но послѣдній на этотъ разъ не внялъ голосу своего совѣтника и совершенно самостоятельно занялъ въ начавшейся борьбѣ враж-

¹⁾ De T'Serclaes 1, 109—113.

²⁾ Ib. 107—108; Des Houx 162.

дебное правительству положеніе. Кто изъ нихъ былъ въ настоящемъ случаѣ болѣе проницательнымъ политикомъ,— это, конечно, должны были показать послѣдующія событія: но что касается Печчи, то онъ, судя по его собственнымъ заявленіямъ, руководствовался лишь твердымъ убѣжденіемъ въ томъ, что въ дѣлѣ просвѣщенія религіи и церкви должно принадлежать господствующее положеніе, а отстаивать неприкосновенность этого положенія составляетъ непремѣнную задачу представителя папскаго престола. Но само собою разумѣется, что при такомъ образѣ дѣйствій онъ неизбѣжно ставилъ себя съ членами министерства въ натянутыя отношенія и нисколько не удивительно, если Нотомбъ говорилъ впослѣдствіи: „отъѣздъ монс. Форнари былъ большимъ несчастіемъ; его преемникъ заставилъ меня въ особенности сожалѣть о томъ, что не былъ присланъ монс. Гарибальди“¹⁾. т. е. тотъ кандидатъ, который ранѣе Печчи предполагался въ преемники Форнари, но былъ отклоненъ почему-то бельгійскимъ правительствомъ. Съ точки зрѣнія такого католика, какимъ былъ Печчи, этотъ неблагоприятный отзывъ о немъ Нотомба служилъ, конечно, для него скорѣе похвалою, чѣмъ порицаніемъ.

Забота Печчи о религіозномъ просвѣщеніи ясно выразилась и въ томъ ревностномъ содѣйствіи, какое оказалъ онъ устройству въ Римѣ бельгійской коллегіи. Вопросъ объ этомъ учрежденіи, возбужденный по инициативѣ монс. Эртса, ректора бельгійской церкви св. Юліана въ Римѣ, сталъ предметомъ обсуждения на общемъ годичномъ собраніи бельгійскихъ епископовъ въ Мехельнѣ, въ августѣ 1844 г., гдѣ присутствовалъ и нунцій. Вполнѣ раздѣляя ту мысль, что кандидатамъ бельгійскаго духовенства наиболѣе полезно получать высшее богословское образованіе подъ ближайшимъ руководствомъ и вліяніемъ папскаго престола, Печчи признавалъ весьма желательнымъ для Бельгіи имѣть въ Римѣ свою коллегію подобно тому, какъ уже имѣются тамъ такія у другихъ государствъ Европы. На мехельнскомъ собраніи онъ горячо ратовалъ за это дѣло, послѣ чего вскорѣ же было послано въ Римъ ходатайство о разрѣшеніи устроить коллегію съ содержаніемъ ея на средства бельгійскаго клира.

¹⁾ De T'Serclaes I, 132.

Осуществленіе этого предпріятія, какъ съ формальной, такъ и съ матеріальной стороны, велось при самомъ близкомъ и дѣятельномъ участіи нунція, чрезъ котораго происходили и всѣ сношенія по этому дѣлу съ папскимъ престоломъ. Въ началѣ слѣдующаго, 1845 года коллегія была устроена. Съ разрѣшенія папы, мѣстомъ для новаго учрежденія избранъ былъ покинутый монастырь кармелитокъ на квиринальскомъ холмѣ, вблизи квиринальскаго дворца, а высшимъ покровителемъ коллегіи папа назначилъ кардинала Меццофанти,— одного изъ тѣхъ трехъ кандидатовъ, на которыхъ указывалъ Печчи въ своемъ представленіи, какъ на наиболѣе желательныхъ бельгійскому епископату. Устроенная такимъ образомъ при ближайшемъ сочувствіи и содѣйствіи Печчи, бельгійская коллегія и въ послѣдующіе годы всегда оставалась предметомъ его особеннаго расположенія. Будучи впоследствии епископомъ Перуджіи и кардиналомъ, онъ, прѣзжая по дѣламъ въ Римъ, постоянно останавливался въ этой коллегіи, а ея питомцы въ вакаціонное время всегда находили себѣ радушный пріемъ и пріютъ у епископа Перуджіи. Сдѣлавшись папою, наконецъ, Печчи не разъ оказывалъ бельгійской коллегіи свои особенныя милости.

Изъ остальныхъ фактовъ дѣятельности Печчи за время его служенія въ Бельгіи слѣдуетъ упомянуть еще о его заботѣ относительно утвержденія монастырской дисциплины. Благодаря недавнимъ смутамъ революціонной эпохи монастырская жизнь тогда далеко не отличалась особеннымъ благоустройствомъ, чему до нѣкоторой степени благопріятствовало и то обстоятельство, что монастыри Бельгіи подчинены были юрисдикціи особаго апостолическаго викарія. Этотъ постъ занималъ монс. Корселисъ,— прелать высокихъ нравственныхъ достоинствъ и пользовавшійся всеобщимъ уваженіемъ, но достигшій уже восьмидесятилѣтняго возраста, а потому не имѣвшій возможности проявить ту энергію, которая представлялась необходимою по обстоятельствамъ времени и задачамъ его положенія. Печчи счелъ своимъ долгомъ возбудить предъ папскимъ престоломъ ходатайство о томъ, чтобы наблюденіе и власть надъ монастырями предоставлены были нунцію и такимъ образомъ ему дана была бы возможность заняться ихъ преобразованіемъ. Монс. Фортари не совѣтовалъ Печчи поднимать это дѣло. Правда, онъ

признавалъ, что старецъ-Корселісъ не стоитъ уже на высотѣ своего призванія и что для осуществленія желаемой реформы требуется на этомъ посту человѣкъ „глубокихъ познаній, весьма большой энергіи и чрезвычайной силы характера“; но въ то-же время онъ внушалъ Печчи, что это дѣло слишкомъ щекотливое и можетъ вызвать немало затрудненій и непріятностей, какъ съ епископами, благодаря недостаточной опредѣленности ихъ отношеній къ монастырямъ, такъ и съ самими монастырями, которыхъ реформа ближе всего должна коснуться. Однако Печчи не устранился этихъ предостереженій и, получивъ отъ папы требуемыя полномочія, ревностно принялся за дѣло. Онъ призывалъ къ себѣ для бесѣдъ монастырскіе капитулы, а затѣмъ предпринялъ визитацію, т. е. лично объѣзжалъ монастыри, знакомился непосредственно съ ихъ жизнью, призывалъ къ порядку и возвращалъ въ нихъ поколебленную дисциплину. Вопреки предсказаніямъ Форнари, эти мѣры не сопровождались, повидимому, никакими печальными столкновеніями, такъ какъ слѣдовъ чего-либо подобнаго мы не находимъ, и Печчи, очевидно, оказался въ настоящемъ случаѣ именно тѣмъ человѣкомъ „глубокихъ познаній, весьма большой энергіи и чрезвычайной силы характера“, какой требовался предпринятой имъ задачей.

Мѣстные журналы того времени свидѣтельствуютъ, наконецъ, и о томъ, что нунцій Печчи принималъ весьма дѣятельное участіе въ тѣхъ разнаго рода событіяхъ, которыя служили обнаруженіемъ религіозно-нравственной жизни бельгійскаго народа. То онъ оказывалъ свое покровительство и содѣйствіе тѣмъ или другимъ благотворительнымъ обществамъ; то посѣщалъ различныя религіозныя учрежденія: то предсѣдательствовалъ на собраніяхъ благочестивыхъ союзовъ; то совершалъ богослуженія въ соборныхъ или приходскихъ церквахъ; то принималъ участіе въ торжественныхъ религіозныхъ процессіяхъ. Такъ среди разнообразныхъ трудовъ и заботъ провелъ Печчи въ Бельгіи всего лишь два съ половиной года; но оказалось, что этимъ краткимъ срокомъ его дипломатическая карьера должна была окончиться, такъ какъ въ сентябрѣ 1845 г. дошла уже до Брюсселя вѣсть, что папа назначаетъ бельгійскаго нунція на епископскую кафедру въ Перуджію.

Новое назначеніе Печчи съ точки зрѣнія установившихся въ Римѣ служебныхъ отношеній представлялось нѣсколько страннымъ. Прежде всего, это былъ переводъ совсѣмъ въ другое вѣдомство. Въ качествѣ нунція Печчи стоялъ на дипломатической дорогѣ, а теперь, назначая на епископскую кафедру, его переводили съ дипломатической службы на епархіальную. Кромѣ того, это назначеніе совсѣмъ не имѣло характера повышенія. Для нунція такого второстепеннаго пункта, какъ Брюссель, прямымъ путемъ служебнаго повышенія было обыкновенно назначеніе на первоклассную нунціатуру, т. е. въ Лондонъ, Парижъ или Вѣну, а затѣмъ уже въ близкой перспективѣ видѣлась и кардинальская шляпа. Съ этого блестящаго пути Печчи сводили теперь на положеніе рядоваго епархіальнаго епископа, гдѣ онъ легко могъ во всю жизнь не дожидаться кардинальства. Гдѣ-же причины такого необычнаго назначенія?—Мы видѣли, что съ бельгійскими министрами Печчи находился далеко не въ дружественныхъ отношеніяхъ. Онъ такъ мало соотвѣтствовалъ ихъ желаніямъ, что удаленіе его предшественника Нотомбъ откровенно признавалъ большимъ несчастіемъ и выражалъ свое сожалѣніе о томъ, что вмѣсто Печчи не былъ присланъ въ Бельгію другой. Правда, въ іюнь 1845 г. Нотомбъ удаленъ изъ министерства; но его вліяніе осталось тамъ, по-видимому, надолго. Новый министръ Дешампъ относился къ Печчи съ тѣмъ-же предубѣжденіемъ и заявлялъ, что для Бельгіи нуженъ такой нунцій, который былъ-бы человѣкомъ „государственнымъ“ ¹⁾. На взглядъ бельгійскихъ министровъ Печчи такимъ государственнымъ человѣкомъ не былъ, т. е. онъ не хотѣлъ такъ приспособляться къ ихъ желаніямъ, какъ они того требовали, и часто выставлялся скорѣе епископомъ, чѣмъ дипломатомъ. Въ результатъ такого образа дѣйствій отношенія между нунціемъ и министерствомъ стали довольно натянутыми, что, конечно, хорошо было извѣстно въ римской куріи, гдѣ зародилась даже мысль объ отозваніи Печчи изъ Бельгіи. Въ это самое время умеръ епископъ Перуджіи, монсен. Читтадини, и населеніе этой епархіи, въ лицѣ клира и городского магистрата, возбудило предъ папскимъ престоломъ ходатайство о томъ, чтобы на вакантную

¹⁾ De T'Serclaes I, 132; Des Houx 166.

каедру къ нимъ назначенъ былъ именно Печчи, бывший у нихъ прежде делегатомъ и, очевидно, сумѣвшій пріобрѣсти себѣ тогда ихъ большое расположеніе. Папа Григорій, расположенный къ Печчи, охотно воспользовался такимъ благоприятнымъ для него случаемъ, чтобы, исполняя единодушное, лестное для него, ходатайство паствы, назначить его на Перуджійскую епископскую каедру. А чтобы придать этому назначенію возможно болѣе почетный характеръ, Печчи даны были увѣренія въ томъ, что оно будетъ считаться какъ-бы переводомъ его на первоклассную нунціатуру ¹⁾. Этимъ, а также и нѣкоторыми другими подобными соображеніями, какъ будто утѣшалъ себя самъ Печчи, очевидно нѣсколько сожалѣя о томъ, что ему приходится проститься съ заманчивой дипломатической карьерой. Въ такомъ смыслѣ писалъ онъ напр. своему брату, 9 ноября: „со стороны почетныхъ правъ моей карьеры я буду находиться въ Перуджии, какъ будто-бы былъ въ Вѣнѣ или Парижѣ. Отъ этого мнѣ будетъ польза и для здоровья и для кошелька. Карьера нунціатуръ прекрасна и блестяща; но чтобы съ блескомъ поддерживать себя на ней, нужно, чтобы наше правительство давало лучшіе оклады, или лучше умѣло сообразоваться съ потребностями въ каждой странѣ“.

Покидая Бельгію, Печчи съ разныхъ сторонъ получалъ выраженія сочувствія и сожалѣнія по поводу предстоявшей разлуки, при чемъ во главѣ этихъ расположенныхъ къ нему людей былъ самъ король. При прощаніи онъ наградилъ его большимъ крестомъ ордена Леопольда и, вмѣстѣ съ тѣмъ, вручилъ ему свое собственноручное письмо для передачи папѣ. Въ этомъ письмѣ король писалъ: „я считаю долгомъ рекомендовать архіепископа Печчи благосклонному покровительству Вашего Святѣйшества; онъ заслуживаетъ его со всѣхъ точекъ зрѣнія, ибо мнѣ рѣдко приходилось видѣть болѣе искреннюю преданность своимъ обязанностямъ, болѣе чистыя намѣренія и болѣе правильныя дѣйствія. Пребываніе въ этой странѣ будетъ для него весьма полезнымъ. давь ему возможность оказать Вашему Святѣйшеству добрыя услуги. Прошу Васъ спросить у него полный отчетъ о тѣхъ впечатлѣніяхъ, какія выносить онъ отъ церковныхъ

¹⁾ Des Houx p. 167; De T'Serclaes I, 127.

дѣль Бельгіи; онъ весьма здраво судить о всѣхъ дѣлахъ и Ваше Святѣйшество можете отнести къ нему съ полнымъ довѣріемъ“¹⁾.

Король былъ несомнѣнно правъ, говоря о пользѣ для Печчи пребыванія въ Бельгіи. Какъ ни было кратковременно это пребываніе, оно неизбѣжно должно было оказать не малое вліяніе на весь строй его возрѣній. Самая сущность и всѣ условія жизни бельгійскаго государства были до такой степени несходны съ тѣмъ общественнымъ строемъ тогдашней папской Италіи, въ которомъ родился и воспитался Печчи, что Бельгія во многихъ отношеніяхъ должна была казаться ему какимъ-то совершенно новымъ, невѣдомымъ ему дотолѣ, міромъ. О чемъ въ папскомъ государствѣ говорили тайкомъ и съ ужасомъ, здѣсь совершалось открыто, на глазахъ всѣхъ, и считалось обычнымъ. Питомецъ іезуитовъ и искренній приверженецъ папскаго абсолютизма попалъ теперь въ страну свободы и конституціоннаго порядка, при чемъ ему приходилось не только созерцать и наблюдать необычныя для него взгляды и явленія, но и считаться съ ними, принимать въ нихъ подѣ-часъ самое дѣятельное участіе. На его глазахъ, даже тѣ самые итальянскіе политическіе эмигранты, которыхъ на родинѣ преслѣдовали какъ опасныхъ заговорщиковъ и мятежниковъ,—въ Бельгіи находили себѣ свободный пріютъ, а съ однимъ изъ нихъ, именно съ Джіоберти, самъ нунцій имѣлъ личныя, почти дружественныя, сношенія²⁾. При подобныхъ условіяхъ, два съ половиною года пребыванія въ странѣ политической и религіозной свободы не могло пройти для Печчи безслѣднымъ. Не побывавъ на службѣ въ Бельгіи, можетъ быть, конечно, онъ все-таки сдѣлался-бы папою; но едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что онъ былъ-бы не такимъ папой, какимъ мы знаемъ его теперь.

В. Соколовъ.

¹⁾ Ib. p. 128 et 128.

²⁾ Des Houx p. 155—156.